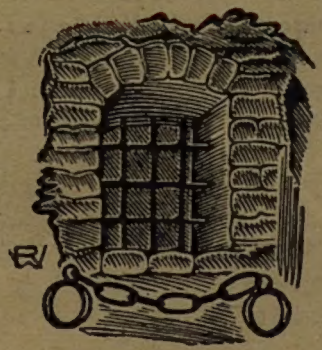
ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА
„КАТОРГА И ССЫЛКА“

ГЕ160
Ф567

В. Н. ФИГНЕР

ЧЛЕН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ „НАРОДНАЯ ВОЛЯ“

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МОРОЗОВ



№ — МОСКВА — 14
1926

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1926 г. на

ДЕШЕВУЮ БИБЛИОТЕКУ

журнала „КАТОРГА и ССЫЛКА"

52 номера в год (каждый номер размером 32 стр.).

В 1926 г. „Дешевая Библиотека" будет выходить в увеличенном размере: каждый номер по 32 стр., что составит в год свыше 1600 страниц.

Дешевая Библиотека имеет своей задачей дать в доступной форме для самого широкого круга читателей изображение отдельных этапов и моментов истории русского революционного движения, биографии революционных деятелей, а также репрессивной политики самодержавия (казни, каторга, тюрьма и т. д.).

ВЫШЛИ:

1—2. **Феликс Кон**—„Пролетариат". С 26 портрет. 30 к.
3. **Викторовский**—А. И. Ульянов . . . . . 10 к.
4. **Г. Лурье**—А. А. Костюшко-Валюжанич . . 10 к.
5. **Первое мая в тюрьме и ссылке.** Сб. воспомин. 10 к.
6. **Г. Г. Сушкин**—Маевки прошлого. Воспомин. о маевках 1901 и 1902 г. г. . 10 к.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

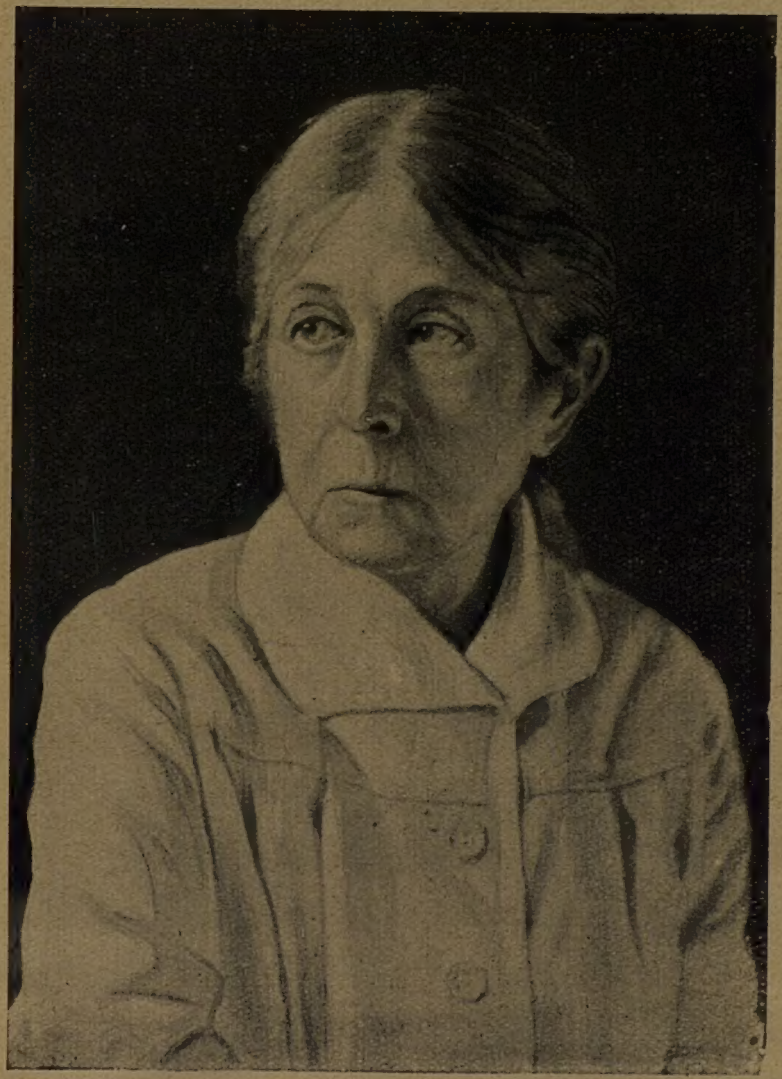
На 1 год—52 номера—4 р. 50 к. } с доставкой и пересылкой.
„ 1/2 года—26 номеров—2 р. 50 к. }

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ

Конторы Издательства Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссыльно-Поселенцев.

Москва, Лубянский пассаж, 32, тел. 3-64-73.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН И
ССЫЛЬНО
ПОСЕЛЕНЦЕВ



Вера Николаевна Фигнер
(1924 г.)

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

№ 14

В. Н. ФИГНЕР

ЧЛЕН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ „НАРОДНАЯ ВОЛЯ“

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МОРОЗОВ

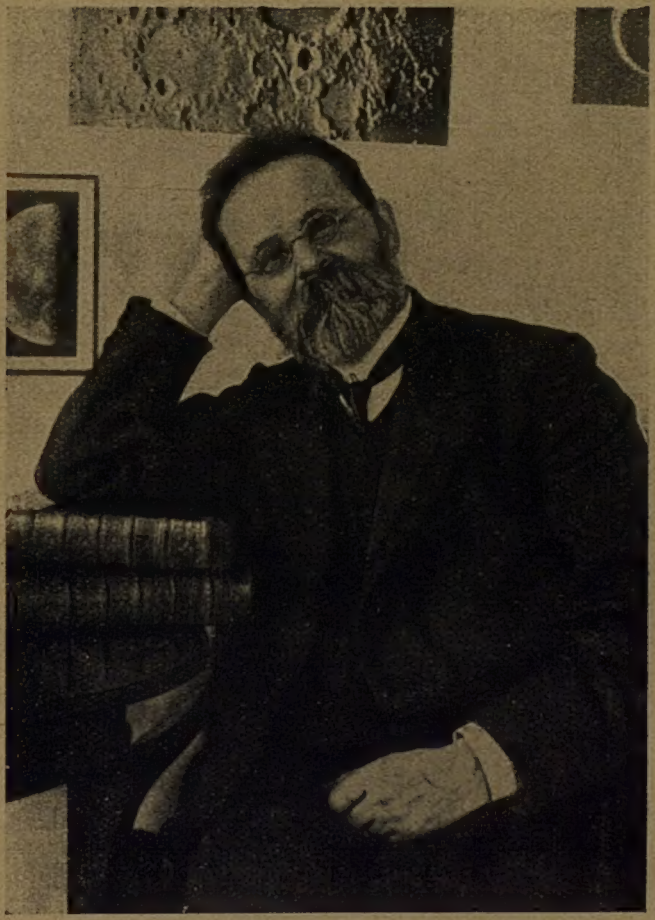
ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1926

ГЕ160
ф 567 1

КНИЖНАЯ ФАБРИКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
ИЗДАТЕЛЬСТВА
НАРОДОВ СССР
МОСКВА, ШЛЮЗОВАЯ
НАБЕРЕЖНАЯ, 162

ТИРАЖ 15.000.
ГЛАВЛИТ 66.613.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)
1 V 97 / 26 66584.



Богатый, молодой помещик, блестящий офицер в отставке, П. А. Щепочкин, посещая в начале 1850 года свои псковские и новгородские поместья, встретил в одном из них очень красивую и необыкновенно развитую девушку, дочь своего крепостного крестьянина. Влюбившись, он дал ей вольную и, как жену, увез в село Никольское, свое имение, Мологского уезда, Ярославской губернии. Такова романтическая, но во время крепостного права не очень редкая, история отца и матери Николая Александровича Морозова. Брак, хотя прочный и вполне счастливый, не был, однако, оформлен церковным обрядом, почему Н. А., родившийся 25 июня 1854 г., и не носит фамилии своего отца. Последний, по воспоминаниям сына, обладал умом, сильной волей и уменьем обращаться с людьми; для своего времени это был человек образованный: в его библиотеке были все лучшие русские журналы. Взгляды отца Н. А. отличались полной определенностью: он был англоман-конституционалист.

Личному освобождению крестьян он вполне сочувствовал, но наделение землей, даже с выкупом, считал грабежом и несправедливостью. Этот пункт, наряду с несбывшимися надеждами на дарование конституции, ставил его в число недовольных реформами Александра II, и неоднократные, весьма непочтительные, отзывы отца об этом государе не остались без влияния на молодой ум сына.

Мать Н. А., Анна Васильевна Морозова, не была заурядной крестьянкой: от своего отца, большого грамотея и бывалого человека, она усвоила не только простую грамотность и первоначальные сведения по арифметике, географии и т. д., но и некоторое литературное образование и вкус: Пушкин, Лермонтов, Крылов и Гоголь были ее любимыми авторами в девичестве.

Нравственный облик Анны Васильевны характеризуется добротой, мягкостью и деликатностью. Ее физическая красота бросается в глаза даже на карточках того времени, когда ей было 70 лет. Прелестное лицо и мягкий характер она передала и сыну, тогда как серьезную складку ума и превосходные способности Н. А., повидимому, унаследовал от отца.

Быть может, как это часто случается, ненормальные, с условной точки зрения, отношения родителей, бросавшиеся в глаза тем резче, что отец Н. А., как крупный помещик и предводитель дворян-

ства, был у всех на виду — послужил причиной раннего пробуждения сознательности в мальчике. Вместе с тем и, быть может, по той же причине, он рано замкнулся в себе, стараясь собственными силами найти ключ к тем социальным вопросам, которые возникали в его уме относительно неравенства богатых и бедных, знатных и простолюдинов.

Н. А. рос в деревне, среди простора полей, в обстановке богатого «дворянского гнезда» с вековым парком. Немудрено, что он рано полюбил природу и часто вспоминал в тюрьме тенистые уголки, прелестный пруд и лужайки деревенского приволья. В детстве старая нянька передала ему поэтическое мировоззрение русского народа, видящего во всей природе нечто живое и одухотворенное. Этому влиянию он сам приписывает то, что для него, как естественника, во всей вселенной нет ничего мертвого, но все движется, все живет и имеет душу. Н. А. убежденный пантеист, и не в силу теории, а по непосредственному чувству, освещенному светочем науки. Это слияние простосердечной поэзии народа с последними выводами ученого составляет характерную, полную прелести, своеобразность умственного склада Н. А. Быть может, этим об'ясняется та оригинальная черта, что для пытливого взора его равно раскрыты как страницы ученых трактатов от Ньютона до Оствальда, так и полные лицедействия строки Апокалипсиса, лихорадочно

пестрые образы которого пугают ум заурядного читателя, но полны картинной поэзии и научно-астрономического смысла для проникновенного взгляда Н. А.

Отданный во 2-ю московскую гимназию, Н. А. получил в ней полное отвращение к «грекам и римлянам», но ревностно отдался естественным наукам. Еще дома старая астрономия, найденная в библиотеке отца, в высшей степени заинтересовала его, и он прочел ее не один раз, а гувернер Морель положил начало его знакомству с ботаникой и энтомологией.[1]) Потом в гимназии в классе Н. А. образовался особый кружок для теоретических и практических занятий по естествознанию, и эти занятия развили и укрепили в Н. А. инстинкты натуралиста, позднее проявившиеся в тюремном заключении.

В гимназии воображение рисовало ему карьеру ученого, и профессорская кафедра была его мечтой. Прекрасные способности, любовь к природе и громадный интерес к ее явлениям, наряду с задатками самостоятельного мышления, казалось, обеспечивали осуществление этой мечты. Однако, вместо ученого из Морозова вышел страстный политик, почти полжизни проведший в стенах тюрьмы. И произошло это потому, что, кроме стремлений и наклонностей ученого, способного пытливо ис-

[1]) Наука о насекомых.

кать новые пути в науке, он имел и горячую голову энтузиаста и романтика.

Кроме астрономии, он прочел в детстве множество повестей и романов, которые производили сильное впечатление на его воображение. Наряду с вопросами: Откуда луна и солнце? Что такое звезды? Из чего состоит золото и из чего мука?— молодая душа рвалась за пределы обыденной жизни и жаждала подвигов самоотвержения, стойкости и отваги.

Понятно, что, когда, 19-летним юношей, он встретил в лице московского кружка чайковцев людей нового типа, превосходивших по нравственному уровню все, что он видел до тех пор в жизни, он увлекся ими всецело. В них, казалось, он нашел воплощение тех героических натур, очертания которых носились, как мечта, в его уме. В центре московского кружка стояла женщина, яркая и поэтическая фигура—Олимпиада Григорьевна Алексеева. Красивая, полная энтузиазма к социалистическим идеям, она сразу приковала внимание Н. А. и навсегда оставила о себе нежное воспоминание. Кружок приглашал стряхнуть с себя аристократизм и всяческую буржуазность, отказаться от всех земных благ и эгоистических стремлений к покою, благосостоянию и почету. Он звал к обиженным и униженным, чтобы горячим призывом поднять их

на борьбу за лучший, более справедливый строй, который даст счастье всему человечеству.

Как было не пойти с людьми, преследовавшими такие цели и отважно решившимися пожертвовать для них собой?

Итти рядом с ними. . . вместе с ними начать борьбу и совершать подвиги. . . и, если нужно, вместе погибнуть — вот чего требовала пылкая душа, и, после короткого колебания между мелькавшей впереди ученой карьерой и политическим мученичеством, Н. А. выбрал последнее . . .

За решением быстро последовало выполнение. Весной 1874 г. с новыми друзьями (Саблиным, Клеменцом и др.) Н. А. отправился «в народ» и жил сначала в Даниловском уезде, Ярославской губ., а потом путешествовал пешком по Воронежской и Курской губерниям. Впечатления, вынесенные за эти немногие месяцы общения с крестьянами, не соответствовали горячим надеждам Н. А. Как видно в настоящее время, стремления пропагандистов 70-х годов на 30 лет опередили настроение и подготовку народных масс. Н. А. видел лишь возможность выработки отдельных личностей путем пропаганды. Даже самое главное орудие действия на умы — простая грамотность почти отсутствовала в деревне; несколько книжек подпольного издания, которые теперь кажутся почти детскими по содержанию и форме,

составляли весь литературный арсенал, предназначенный для читателя - простолюдина. Никаких шансов на что - либо похожее на восстание или партизанскую войну, о которых мечтал Н. А., не было. Глубокое раздумье охватило человека, жаждущего революционной битвы. Но хорошо разобраться в этих впечатлениях, еще и еще проверить их Н. А. не пришлось. Той же осенью 1874 г. в 36 губерниях Европ. России произошли массовые аресты, последствием которых была почти полная гибель всех революционных кружков и организаций. Пострадал и кружок чайковцев. В период острого преследования, желая сохранить даровитого юношу для будущего, друзья Морозова отослали его вместе с Саблиным за границу. Оба оставались там, однако, недолго и уже весной 1875 г. отправились обратно в Россию, но при переезде через границу были арестованы и протомились в тюремном заключении до так называемого «большого процесса», тянувшегося с 18 октября 1877 г. по 13 января 1878 г. По этому делу (дело 193-х) Н. А. было вменено в наказание продолжительное предварительное заключение, и он был выпущен на свободу.

Опасение быть сосланным административно, как это случилось с теми из освобожденных, кто не успел во время скрыться, заставило Н. А. после процесса сделаться нелегальным. В это время среди

революционных организаций первое место в Петербурге, да и во всей России, принадлежало тайному обществу «Земля и Воля», основанному осенью 76 г. Было бы долго останавливаться на его происхождении и программе, известной под именем «народнической». Достаточно сказать, что в этой программе, вместо социалистической пропаганды, стояла агитация в крестьянстве на почве уже созданных народом потребностей и впервые был введен террор, чем было положено основание той борьбе за политическую свободу, которую потом вел «Исполнительный Комитет» Народной Воли.

Морозов принял программу «народников»; но, благодаря старым связям, вступил не в главное общество, а в группу, державшуюся отдельно, хотя она и разделяла ту же программу. В этой группе были: А. К. Соловьев, Ю. Н. Богданович, А. И. Писарев, Евгения Ник. Фигнер, я и некоторые другие. Сначала Н. А. отправился в Тамбов, потом в Саратов, думая устроиться, в более или менее демократической форме, в деревне. Но это оказалось не так легко и требовало времени. Между тем, террористическая часть программы, с ее опастностями и риском, сильно привлекала пылкого и увлекающегося юношу. Он возвратился в столицу и, вместе с петербургскими землевольцами (Ольгой Натансон, Трощанским, Оболешевым и др.), с голо-

вой окунулся в боевые выступления. На очереди стояли планы вооруженных освобождений нескольких выдающихся лиц, осужденных по процессу 193-х. Хотели освободить Мышкина, Брешковскую, Ковалика, Войнаральского. Деятельное участие в этом принял и Н. А. Но Мышкина в централ, через Харьков, а Брешковскую через Нижний провезли в Сибирь прежде, чем заговорщики успели опомниться, а вооруженное нападение на конвой, везший Войнаральского в Змиевскую центральную тюрьму, потерпело неудачу.

Возвратившись после этого дела в Петербург, Н. А. вплотную примкнул к обществу «Земля и Воля», и с этой поры начался самый кипучий и блестящий период его революционной деятельности. Организация, полная сил и молодой энергии, с жаром ринулась на новое поприще, на подвиги, которые должны были встряхнуть русское общество, взволновать наше сонное царство. Каждый месяц приносил какую-нибудь громовую весть, и в исторической перспективе нельзя не назвать этой эпохи бурной. В той организационной силе, которая совершала эти дела, занимал свое место и Морозов, живший в то время всеми фибрами души. Тогда же началась и его работа в революционной литературе, так как он участвовал в органе «Земля и Воля» и состоял редактором «Листка Земли и Воли», отзывавшегося на все события момента.

Библиотека Института Ленина
96894

Между тем, среди бурного волнения, охватывавшего сердца при каждом активном нападении на существующий строй, среди горечи и неудач или упоения победой, созревала идея «Народной Воли», которая должна была вскоре народиться.

Уже в зиму 78—79 г. некоторые члены «Земли и Воли», пламенные революционеры: Валериан Осинский, Александр Михайлов, Александр Квятковский, Мария Николаевна Ошанина, Н. А. Морозов и некоторые другие образовали внутри общества «Земля и Воля» особую тайную организацию, о которой не знали остальные члены Общества, и, приняв название «Исполнительного Комитета», были истинной душой политических актов, волновавших тогда Россию. Дело в том, что к этому времени внутри Общества, благодаря двойственности и неопределенности программы, образовалось два течения: с одной стороны ясно намечалось увлечение политикой, сознание, что без уничтожения самодержавия и водворения политической свободы, невозможен ни один шаг вперед, никакая деятельность в народе; с другой стороны, более консервативная часть членов требовала продолжения работы в деревне и при существующих условиях; она верила в возможность организации масс для народного восстания, которое, одновременно с гнетом экономическим, сломит и старые политические формы.

Первые стремились к сосредоточению сил в городах, чтобы здесь биться с правительством, вторые считали это вредным увлечением и звали назад—в деревню.

Последствием внутреннего раскола, который неминуемо должен был кончиться распадением Общества «Земля и Воля», и было образование внутри его сплоченного, единодушного и энергичного ядра, которое послужило началом партии Народной Воли, с «Исполнительным Комитетом» во главе.

Сторонники нового направления получили более определенную организацию на с'езде в Липецке, куда летом 1879 г. они собрались непосредственно перед воронежским с'ездом членов Общества «Земля и Воля», но без ведома этих последних. Цель Липецкого с'езда состояла в том, чтобы подсчитать силы и наметить тактику, как внутреннюю, так и внешнюю.

Явившись затем на Воронежский с'езд во всеоружии, сговорившиеся и единодушные, они провели на нем в члены О-ва целую серию лиц испытанной верности, энергии и самоотверженности. Нельзя воздать достаточной хвалы проницательности и широте замыслов липецких товарищей: они шли плотной шеренгой в даль будущего, пролагая новые пути революции; они окинули взглядом все революционные силы тогдашнего време-

ни и стянули людей со всех концов России, создав этим в «Народной Воле» общерусскую, еще небывало широкую организацию. Все, что было выдающегося, энергичного в революционном мире, они привлекли в свою среду или наметили для будущей работы.

Валериан Осинский тогда уже погиб, но другие, столь же отважные энтузиасты, держали дело политической борьбы в своих сильных руках. Наряду с названными раньше, тут были: Желябов, Фроленко, Колоткевич, Ширяев—эти орлы революционного движения. Н. А. Морозов был одним из самых энергичных инициаторов нового направления. Среди горечи неудач эти люди выносили новое направление в своих сердцах. Они вынесли его на своих плечах через рутину и косность и привели, наконец, к победе...

С'езд в июле 79 года в Воронеже был последней попыткой членов «Земли и Воли» действовать сообща. Это был компромисс, и, как таковой, он не дал никаких определенных результатов, хотя на нем не произошло и открытого разрыва.

Однако, по прибытии в Петербург, как только началась революционная работа, практические неудобства противоречивых стремлений в недрах Общества принудили к официальному разделу. Тогда образовались две самостоятельных фракции: «Народная Воля» и «Черный Передел».

С этой минуты «Исполнительный Комитет» стал центром общероссийской народовольческой организации и в течение нескольких лет, на почве борьбы с самодержавием, развил небывалую энергию и деятельность, служа пугалом и предметом отвращения для одних, и путеводной звездой, предметом упования—для других.

Деятельность «Исполнительного Комитета» общеизвестна, об ней нечего распространяться. Кроме работы организационной, он сделал 7 покушений и приготовлений к ним на жизнь царя Александра II-го. Они закончились 1-го марта 1881 г., когда царь пал, убитый бомбой народовольца Гриневицкого. Что касается до роли Н. А., то об этом здесь достаточно сказать, что во всех делах Комитета он принимал, как нравственное, так и физическое участие и, кроме того, состоял редактором партийного органа «Народная Воля».

Затем, в феврале 80 г., после ареста типографии, где печаталась эта газета, Н. А. на время уехал за границу. Он жил там, главным образом, в Швейцарии, но посетил также Лондон и Париж. Сношения с разными лицами, собирание материала по истории революционного движения в России и, наряду с этим, слушание лекций в Женевском университете, составляли предмет его занятий. К этому же времени относится и по-

явление его брошюры о терроре [1]). В январе 81 года он задумал вернуться в Россию, но на границе был арестован и предан суду вместе с другими народовольцами (процесс 20-ти, в начале 1882 года: Суханов, А. Михайлов, Фроленко и друг.).

Морозов был приговорен к каторге без срока и, вместе с другими выдающимися членами партии, заточен сначала в Алексеевский равелин, а потом (в 84 г.) перевезен в Шлиссельбург.

Покойный товарищ наш, П. С. Поливанов, и М. Ф. Фроленко в своих мемуарах прекрасно описали, чем была жизнь в равелине. Желающие могут обратиться к ним. Я, с своей стороны, прибавлю только, что, рассказывая в Шлиссельбурге об условиях этой ужасной жизни, Н. А. не без гордости говорил, что понимал прекрасно, что весь режим Алексеевского равелина имел целью извести медленной смертью заключенных в нем, и что это сознание заставляло его настойчиво сопротивляться болезни, одолевавшей его от постоянного голодания. Мучимый цынгой, преодолевая страшные колющие боли в ногах, он старался как можно более ходить. Да! Он ходил по камере и повторял в уме: «Меня хотят убить... а я все-таки буду жить!»

---

[1]) «Террористическая борьба».

И он выжил, несмотря на то, что многие годы харкал кровью и, казалось, неминуемо должен был погибнуть.

Во время своего заключения в Шлиссельбурге Н. А. сохранял полное самообладание и неизменную доброту. Для заключенных он был третьей сестрой», как его в шутку называли товарищи [1]), к которым он всегда был готов придти со словами утешения, а за отменно учтивое обращение с жандармским персоналом его звали «Маркизом». Но самым употребительным прозвищем было название «Зодиак» за пристрастие к астрономии и поиски на небе так называемого «зодиакального света».

После осуждения, все мы потеряли не только гражданские и человеческие права, но и свои имена, стали чем-то вроде казенных вещей и обозначались безличными номерами. Наши фамилии должны были оставаться тайной, как для соседей по камере, так и для всего штата высших и низших стражей. В первые годы это так и было, при чем офицеры, конечно, только притворялись, будто не знают, кто мы такие. Впоследствии, когда начали практиковаться прогулки вдвоем, имена, само собою разумеется, разоблачились, потому что жандармы не могли не слышать их в наших разговорах. Тогда жандармы усвоили даже наши

[1]) Двумя другими были Л. Волкенштейн и я.

псевдонимы, и один унтер-офицер пресмешно переделал «Зодиака» в «Забиаку», что вызывало смех, в виду добродушного характера Н. А. В самом деле, поссориться с ним было невозможно. Был всего лишь один памятный случай, когда он серьезно рассердился на одного товарища, который сгребал и топтал ногами для удобрения огорода целые кучи фриганок—небольших сетчатокрылых, мириадами налетевших к нам с Ладожского озера. Н. А. находил это безобразным, и сам чрезвычайно смешил нас тем, что в своей камере ловил беспокоивших его мух в баночку и потом, выходя на прогулку, выпускал на свободу.

Но сказать о Н. А., что он был неизменно мягок, добр и ровен—было бы сказать очень мало. Только первые, самые удручающие, годы он был молчалив и всегда словно погружен в мечту или грезу. Но и тогда он находил силы утешать Буцевича, умиравшего от чахотки, и данного ему в первые товарищи по прогулке. Когда же тюремные условия изменились к лучшему, Н. А. поражал нас своей живостью и веселостью.

Удивительная, трудно об'яснимая, но всегда свежая и молодая иллюзия, что скоро нас увезут из Шлиссельбурга, и мы возвратимся к семье, к друзьям и к жизни—ни на минуту не покидала его. Каждую зиму он говорил, что весной нас увезут, а когда приходила весна—он говорил, что увезут

осенью, и так—без конца. Проходил год за годом, и всем надоело слушать эти предсказания. По поводу их возникали насмешки, анекдоты, не мало увеселявшие публику, но он не смущался и не переставал верить. И так эта мечта не оставляла его целые 24 года. Все переставали или перестали ждать, но он все верил и ждал, и когда 26 октября 1905 года жандармы позвали его вместе с товарищем с гулянья, не говоря, зачем, он, на недоумение спутника, с величайшей простотой ответил: «Да затем, чтобы об'явить об освобождении».

На этот раз он угадал: действительно их звали, чтобы об'явить об «амнистии» 21 октября.

В тюрьме, где все было серо и однообразно, где видишь одни и те же лица и слышишь, в конце-концов, все те же речи, добрый и веселый товарищ—сущий клад. Высокая фигура Н. А., в нескладном арестантском халате, обвешанная, во избежание простуды, какими-то тряпочками и увенчанная серой шапкой с несуразным доморощенным козырьком, всегда вносила оживление и смех там, где появлялась. В молодости он не любил шуток и возмущался, когда люди постарше позволяли себе их. Но в тюрьме он сам стал шутить, при случае — мистифицировал и выдумывал разные смешные истории и положения. Это делалось всегда с таким добродушием, с такими искорками за-

бавного лукавства в ласковых карих глазах, что только мертвый не мог смеяться. Он и сам, как нельзя лучше, переносил насмешку и шутку. Так, неистощимым предметом поддразниваний являлся небольшой саквояж, сделанный С. А. Ивановым для Л. А. Волкенштейн, но не взятый ею при от'езде. Морозов не расставался с ним ни на минуту, нося с собой всюду: на гулянье, в мастерскую и т. д. Этот сак звали «mecum porto»; в нем были все его сокровища, начиная с сахара и кончая дамскими сувенирами от Волкенштейн и меня. Так он спасал свое добро от возможного прикосновения жандармских рук. За эту вечную ношу Г. А. Лопатин называл его «сумчатым». Но называли ли его «сумчатым» или «морским коньком»—за манеру держать голову несколько вперед — он всегда отвечал лишь милой улыбкой или остроумным репримандом, за которым никогда не лез в карман. Рассердить же его решительно не было возможности: в этом отношении никто не мог похвалиться удачей.

В заточении, когда пропала возможность всякой практической деятельности, Н. А., отрешаясь от тяжелой действительности, погрузился в работу мысли. В тиши равелина в нем проснулся мыслитель, и тогда же в его уме зародились основные идеи по вопросу о строении вещества, которому он посвятил потом свое главное произве-

дение. Но в равелине не давали письменных принадлежностей, и вся работа мысли оставалась в голове. Зато в Шлиссельбурге, когда стали давать научные книги и через три года разрешили карандаш и бумагу, Н. А. всецело отдался любимым занятиям.

В последние 10—12 лет этот узник с высохшим телом, но с трепетавшей в его уме живой мыслью, с удивительной и трогательной настойчивостью, день за днем, обдумывал и набрасывал на бумагу гипотезы и соображения; делал бесконечные вычисления, составлял таблицы и схемы. Позади его была почти уже вся жизнь, а впереди—с холодной точки зрения—одна безнадежность и ничем не отмеченная могила.

И все-таки он работал. Он мыслил и писал, одушевленный несокрушимой надеждой, что его идеи когда-нибудь да увидят свет. Порой измученный, больной, в дружеском излиянии, он признавался, что источник жизни в нем иссякает, что сил у него остается мало, но это служило лишь стимулом к тому, чтобы спешить занести поскорее на бумагу все, что он имеет сказать и что может внести хоть небольшую крупицу знания в общую сокровищницу человеческой мысли.

Еще в равелине Морозов пришел к убеждению, что так называемые простые тела на деле не та-

ковы, что они составляют лишь конечный продукт длинной эволюций вещества, которое в течение бесконечно длинного периода жизни земли претерпело многочисленные и разнообразные метаморфозы, первичные древние фазы которых скрыты вдали времен. Н. А. верил, что настанет время (и отчасти это уже осуществлено), когда эти «простые» тела — золото, серебро, мышьяк и т. д.—будут разложены в лаборатории на составные части и путем синтеза вновь восстановлены в ту же форму.

Вопрос о сложности так называемых простых тел есть животрепещущий вопрос современной химии, и такие знаменитости, как Крукс, и др., уже с 70-х годов не сомневались в разрешении его в положительном смысле.

В этом отношении шлиссельбургский узник, замурованый на целую четверть века в непроницаемую для постороннего взора тюремную келью и погруженный в глубокое размышление о метаморфозах вещества, походил на средневекового алхимика, который в своем таинственном, фантастическом кабинете склонился и застыл над ретортой, где из различных химических ингредиентов должно образоваться чистое золото.

Все, кто имел случай видеть Н. А. по выходе из Шлиссельбурга, единодушно удивляются, на-

сколько он сохранил бодрость и живость, а его мягкость и умное, кроткое лицо очаровывают всякого, кто приходит с ним в соприкосновение.

Мои личные воспоминания обнимают жизнь Н. А. с 20-летнего возраста, когда прелестным юношей-ригористом он впервые приехал в Швейцарию, где я училась в университете. С тех пор, при всех изменчивых условиях жизни, на свободе и в тюрьме, где мы стояли плечом к плечу, он остался верен себе. Целью его жизни в науке и в политике было искание истины и свободы: освобождение человеческой личности от оков природы, от насилия, деспотизма и эксплоатации. При мысли о нем, невольно вспоминаются чудные строки Огарева:

«Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью смежном,
Всю жизнь мою—снова и снова, и снова—
Звучало одно неизменное слово:
«Свобода! Свобода!..»

20 лет прошло с тех пор, как Н. А. из Шлиссельбургской крепости вышел на свободу. В эти годы он проявил все скрытые силы, которые таились в нем, приглушенные бесконечным заключением. Он проявил их в полноте и с таким размахом, что невольно останавливаешься в изумлении.

Если в Шлиссельбурге, за что бы он ни принялся,

работа спорилась в его руках, и он восхищал легкостью, с которой ему давалось все, то на свободе его мысли, кажется, самое тело приобрели крылья—столько работ по различным отраслям знания и литературы он исполнил, столько городов нашей родины об'ехал в качестве лектора и в стольких обществах принимал участие.

Еще будучи в Шлиссельбургской крепости, он написал трехтомную работу по теоретической химии: «Строение вещества». Там же написана книга «Периодические системы строения вещества», в которой предугадывалось существование и атомные веса нейтральных элементов (инертных газов), найденных потом Рамзаем. Эта книга увидела свет в 1907 г., а в 1910 г. было напечатано «Откровение в грозе и буре», написанное им тоже в крепости и в 1912 г. переведенное на немецкий язык. Все эти работы, не перечисляя многих других, написанных там же, казалось, без всякого усилия со стороны автора, ничто в сравнении с тем печатным материалом, который после освобождения был брошен им на литературный рынок. По астрономии, астрофизике и метеорологии он дал много журнальных и газетных статей и 2 книги, много раз делал доклады в различных ученых обществах и на с'ездах, произносил речи и т. д. По химии, физике и высшей математике, по воздухоплаванию и авиации и, наконец, по об-

щественным вопросам он написал столько статей, докладов, брошюр и книг, что список всего, им опубликованного, ставит его в ряды самых плодовитых писателей. Из произведений ненаучного характера большую известность имеют «Звездные песни», воспоминания о Шлиссельбурге: «Каменный гроб», «В глубине преисподней» и в особенности 4 тома автобиографического характера «Повести моей жизни».

Как лектор, Н. А. до революции 17 года об'ехал все крупные и немало средних городов России, и с женой, которая концертировала, сделал турнэ по всему железнодорожному пути Сибири.

В настоящее время Н. А. состоит директором института имени П. Ф. Лесгафта в Ленинграде и часть времени проводит в «Борке», прежнем имении отца, с которым связаны его далекие воспоминания и где постоянно живет его жена — Ксения Алексеевна.

Но в столице ли, в деревне ли — и там, и тут — Н. А. занят литературным трудом, над которым работает его неутомимый ум. После «Откровения в буре и грозе», он издал книгу «Пророки», а теперь создает грандиозное творение «Христос», пятитомное, об'емистое произведение, подготовлявшееся в течение 2—3 лет. Первый и второй томы этого труда уже вышли. Это произведение, кажется, является любимым детищем автора и

вызывает живейший интерес у читающей публики.

Краткий очерк не позволил мне перечислить все, произведенное Н. А. Желающие могут найти подробности о его литературной и практической деятельности в моей книге «Шлиссельбургские узники» и в биографии Н. А., написанной Л. Круковской. (Госиздат, 1920 г.). Но и эта книга не дает сведений о последних пяти годах жизни Н. А. Во всяком случае, надо сказать, что он и теперь, когда ему 72 года—здоров, бодр, полон энергии и надеется еще много, много потрудиться на литературном поприще.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ.

Адрес конторы издательства: Москва, Лубянский пассаж, 32. Телефон 3-64-73.
Склад изданий: книжный склад «Маяк»: Москва, Петровка, 7. Телефон 3-63-20.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1926 Г.

на журнал

посвященный истории революционного движения в России до падения царизма

8 КНИГ В ГОД „КАТОРГА и ССЫЛКА“ **8 КНИГ В ГОД**

(Историко-революционный вестник)

Под общей редакцией **В. Д. Виленского-Сибирякова.**

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ:

М. А. Брагинского, Е. Н. Ковальской, Б. П. Козьмина, Феликса Кона, М. Ф. Фроленко, Н. Ф. Чужака-Насимовича и др.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

1. Из истории революционного движения. 2. Каторга, тюрьма, ссылка и эмиграция. 3. Лики отошедших. 4. Библиография. 5. Хроника. Иллюстрации.

Размер каждого номера 16—19 листов, что составит в год свыше 150 листов.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

На 1 год (8 книг) — 12 р.; на ½ г. (4 кн.) — 6 руб. 50 к.; на 3 мес. (2 книги)—3 руб. 50 коп.

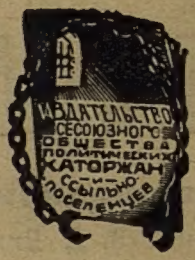
Цена отдельного номера 2 рубля.

Комплект журнала за 1925 год высылается за 13 рублей.

Полных комплектов за предыдущие 1921 — 1924 годы не имеется. Имеющиеся в ограниченном количестве неполные комплекты отпускаются только подписчикам на 1926 год по цене 12 р. 50 к. С пересылкой 14 р.

18595
18595

Цена 12 коп.



ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ

Конторы Издательства Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссыльно-Поселенцев.
Москва, Лубянский пассаж, 32, тел. 3-64-73.

Склад изданий: Книжный склад „МАЯК“,
Москва, Петровка, 7, тел. 3-63-20.